

Классика
в школе и дома

Михаил Михайлович
Пришвин

Кладовая солнца

Москва



2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П77

Оформление серии *О. Горбовской*

Пришвин, Михаил Михайлович.

П77 Кладовая солнца / Михаил Пришвин. — Москва :
Эксмо, 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-04-105779-4 (Классика в школе)
ISBN 978-5-04-105781-7 (Внеклассное чтение)

В книгу включены произведения М.М. Пришвина, которые
изучают в 5-м и 6-м, а также в старших классах.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105779-4
ISBN 978-5-04-105781-7

© Пришвин М.М., наследники, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «МИРСКАЯ ЧАША»

Случалось, на огонек во время перелета или в погоне за своей подругой, влетал ко мне болотный приятель с длинным клювом; влетит, сделает круг над столом и возвращается в Чистик — славное наше моховое болото, мать великой русской реки¹.

Не одно это болото питает многоводную реку, но все питающие мхи называются чистики.

Наш чистик был когда-то дном озера, и берега его, холмистые, песчаные, с высокими соснами, сохранили свой первобытный вид, так вот и кажется, что за соснами будет вода, идешь — и нет! Буйные с полверсты заросли, в кустарниках кочки высотой по грудь человеку, если свалишься, напорешься на колья чахлых березок. Ходить тут можно по клюквенным тропам, пробитым общими силами клюквенных баб, волков, лисиц, зайцев, случается, и сам Миша пройдет, все тропят и спасаются в зарослях. Как пробьешься из этих зарослей в чистик — чистое место, благодатное, весной каждая кочка букет цветов, летом после комара, как под-

¹ Речь идет об истоке Днепра (*примеч. коммент.*).

сохнет, найдешь себе кочку величиною со стол, и в нее как в постель, только руками поводишь, гребешь в рот клюкву, чернику, бруснику — кум королю!

Такой чистик нужно бы сделать заповедником, и топор, и огонь чтобы не касались лесов, окружающих болото-исток, мать славного водного пути из варяг в греки, иначе река иссякнет и страна обратится в пустыню.

Много пришлось перенести горя за леса, красу и гордость нашего края. Бывало, бродишь по этим лесам — какая могучая тишина, какая богатая пустыня! Так хорошо, только страшно думать, что через сто — сто! — лет эти немые богатства русской земли будут вскрыты, везде будут рельсы, трубы, заборы, фермы — страх за сто лет!

И что же оказалось: при одном слове *свобода* миллионы русских людей бросились рубить себе новый крест — мало раньше страдали! В год-два леса были так исковерканы, завалены сучьями, макушками, что трава и цветы не выросли, и за грибами, за ягодой стало невозможно пройти, озера опустели, всю рыбу поймали и заглушили солдаты бомбами, птицы куда-то разлетелись, или их поели лисицы? Да, только хищники, лисицы, волки, ястреба заполонили все вырубки, заваленные сучьями. Лес, земля, вода — вся риза земная втоптана в грязь, и только небо, общее всем и недоступное, по-прежнему сияет над этой гадостью.

Будет ли Страшный Суд?

На этот Суд я готовил одно себе оправдание, что свято хранил ризы земные.

И они все потоптаны.

Чем же я оправдаюсь теперь за свое бытие?

В тяжелые минуты спросишь себя: «Чего хочу?» — и отвечаешь: «Хочу настоящего чаю с сахаром».

— Не ты ли, друг мой, боялся, что в твоей могучей пустыне через сто лет на каждом шагу будут предлагать чай с сахаром и кофе со сливками?

— Да, я боялся, я думал о внешней природе по детским сказкам, теперь я думаю, что природа остается могучей только внутри нас, в борьбе с личными целями, но то, что мы обыкновенно называем природой — леса, озера, реки, все это слабо, как ребенок, и умоляет доброго человека о защите от человека-зверя.

Я думаю, что мы покорили безумие животных и сделали их домашними, или безвредными, не замечая того, что безумная воля их переходила в человека, сохранялась, копилась в нем до времени, и вот отчего при одном только слове «свобода» все бросились истреблять леса, — это не люди, это зверь безумный освободился.

Или это не так? Но верно, что Россия была как пустыня с оазисами; срубили оазисы, источники иссякли, и пустыня стала непроходимой.

Россия...

Или это лишь чувство прошлого? Но какое же у нас прошлое — народ русский в быту своем неизменный; история власти над русским народом и войн? Огромному большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет; история страдания сознательной личности, или это есть история России? Да, это есть,

но когда же кончится наконец такая ужасная история, и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу, и ему даже хотелось *побыть*.

Родина...

Если бы моя далекая возлюбленная могла слышать в слове силу моей любви! Я кричу: «Ходите в свете!» — а слово эхом ко мне возвращается: «Лежите во тьме!» Но ведь я знаю, что она существует, прекрасная, и больше знаю, я избранник ее сердца и душа ее со мною всегда, — почему же я тоскую, разве этого мало? Мало! Я живой человек и хочу жить с ней, видеть ее простыми глазами. И тут она мне изменяет, душу свою чистую отдает мне, а тело другому, не любя, презирая его, и эта блудница, — раба со святою душой, — моя родина. Почему о родине я могу говорить, и, если бы я твердо знал, что это особенно нужно, я бы мог петь о ней, как Соломон о своей лилии, но ей сказать я ничего не могу, к ней мое обращение — молчание и счет прошедших годов?

Немой стою с папироской, но все-таки молюсь в этот заутренний час, как и кому не знаю, отворяю окно и слышу: в неприступном чистике еще бормочут тетерева, журавль кличет солнце, и вот даже тут, на озере, сейчас на глазах, сом шевельнулся и пустил волну, как корабль.

Немой стою и только после записываю:

«В день грядущий, просветли, Господи, наше прошлое и сохрани в новом все, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу».

ЛЕСНАЯ КАПЕЛЬ

ДЕРЕВО

Корень

Вижу, как перед восходом солнца блестящий опускается на западе месяц — в этот раз настолько дальше вчерашнего, что так и не отразился в полбе.

То солнце покажется, то закроется облаками, и думаешь: «Вот дождь пойдет», — и все нет дождя. Постепенно теплеет.

Вчера горячие лучи солнца не совсем еще кончили с новым льдом, и он, тонкий, острый, остался широкой лентой у берегов, и синяя зыбь свободной воды тревожит его, и от этого звук получается похожим на тот, когда ребяташки по тонкому льду швыряют камешки: будто большой стаей птички-щобетуньи летят.

В некоторых местах полбя от вчерашнего льда остался слой, подобный летней ряске: чайки плывут по нем, оставляя след за собой, но мыши, удравшие с берега от мальчишек, по такой ледяной кашнице бегут, не проваливаясь.

Гляжу на единственное во всей пойме деревцо — вяз перед моим окном, вижу, как все перелетные птички присаживаются на него: зяблики, щеглы, зорянки, и все думаю и думаю о том дереве, на которое когда-то, измученный жизнью, присел, да так и слился с ним, и кор-

ни того дерева стали моими корнями в родной земле. Так в своей перелетной жизни я и стал когда-то на свой корень.

Березы

Зимой березы таятся в хвойном лесу, а весной, когда листья развертываются, кажется, будто березы из темного леса выходят на опушку. Это бывает до тех пор, пока листва на березах не потемнеет и более или менее не сравняется с цветом хвойных деревьев. И еще бывает осенью, когда березки, перед тем как скрыться, прощаются с нами своим золотом.

Лесной шатер

Столетние усилия дерева сделали свое: верхние ветви свои эта ель вынесла к свету, но нижние ветки — детки, сколько ни тащила их наверх матушка, остались внизу, сложились шатром, поросли зелеными бородами, и под этим непроницаемым для дождя и света шатром поселился...

— Кто там поселился?

Мы возвращались с охоты мимо этой ели. Лада что-то почуяла внутри ее и стала. Мы думали: «Выскочит или вылетит?»

Что-то шарахнулось и убежало. Что это было, так и не дознались.

Ель и березка

Ель хороша только при сильном солнечном свете: тогда ее обычная чернота просвечивает

самой густой, самой сильной зеленью. А березка мила и при солнце, и в самый серый день, и при дождике.

Светотени

Береза и осина — самые светолюбивые деревья, и особенно, мне кажется, осина. У нее ведь каждый листик трепещет и со всех сторон купается в свете. Осина светолюбивая, а под осиной растут тенелюбивые травы, папоротники, хвощи. Такой густой осинник, что зайцу не проскочить, а тут еще в густоте из-под низу выбилась высокая крапива... И так везде в мире: где свет, там и тень.

Хмель

Высокая ель над омутом до того умершая, что даже длинные бороды зеленых лишайников почернели, сжались, попадали. Эту ель облюбовал хмель, стал по ней подниматься выше и выше, — и что он увидел с высоты, и что случилось в природе, пока он подымался?

Жизнь на ремешке

Прошлый год, чтобы заметить место на вырубке, мы сломали молодую березку; она повисла почти только на одном узеньком ремешке коры. В нынешнем году я узнал то место, и вот удивление: березка эта висела зеленая, потому что, вероятно, ремешок коры подавал сок висющим сучьям.

Волчье лыко

Как только друг ушел от меня и я оглянулся вокруг себя, внимание мое остановил старый пенёк, весь истыканный пустыми еловыми шишками.

Тут дятел работал над ними всю зиму: вокруг пня толстым слоем лежали эти шишки, он их всю зиму таскал сюда и шелушил.

А из-под низу сквозь этот слой выбилось на свет, на свою вольную волюшку волчье лыко и сейчас расцвело маленькими малиновыми цветочками. Стебелек у этого самого первого весеннего цветка и вправду такой же крепкий, как лыко, и еще крепче: волчье лыко. Без ножа оторвать цветок от земли почти невозможно, и, пожалуй, этого и не надобно делать: цветок волчьего лыка издали пахнет чудесно, как гиацинт, но стоит его поднести к носу поближе, то запахнет так худо, хуже, чем волком. Смотрю на него сейчас и дивлюсь и по нем вспоминаю некоторых знакомых людей: издали очень хороши, а подойдешь поближе — запахнут, как волки.

Пень-муравейник

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придется сесть на такой пенёк, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой

выползет множество муравьев, и ноздреватый пенёк окажется весь сплошным муравейником, сохранившим обличие пня.

Зарастающая поляна

Лесная поляна. Вышел я, стал под березкой... Что делается! Елки, одна к другой, так сильно густели, и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так, кругом всей поляны, стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя березку. Вся большая поляна была покрыта зелеными бугорками. Это было все наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мохом. На эти взрытые кротами холмики падало семя и вырастали березки, а под березкой, под ее материнской защитой от мороза и солнца вырастала тенелюбивая елочка. И так, высокие ели, не смея открыто сами высалить своих малышей на полянку, высылали их под покровом березок и под их защитой переходили поляну.

Пройдет сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастет одними елками, а березы-покровительницы зачахнут в тени.

Трупы деревьев

Трупы деревьев — это не то, что зловонные трупы животных. Вот береза упала и утонула в раковых шейках и заросла Иван-да-Марьей. Вся береста на ее старой коре от старости завернулась трубочками, и в каждой трубочке непременно живет кто-нибудь.

Лесная книга

Лесная книга дается только тем, кто хочет читать ее без всякой осязаемой пользы для себя или корысти, даже нужен тебе гриб или орех, и то будет мешать тебе, и не хватит внимания вникнуть в ход лесной жизни.

Лес молодой осиновый, подлесок ореховый, под орехами живет папоротник со сниткой, и третьим сожителем у них хвощ.

Надо учиться ходить в лесу, оглядывая деревья с самого низу и до верху, а то обыкновенно смотришь или вниз, или прямо перед собой, и что делается в верхнем этаже — не видишь.

Травы такой росой обдаются, что им все равно как после дождя, и даже кусты в росе. До какого же лесного этажа хватает роса?

Деревья на службе

Во всех искусственных насаждениях, парках, бульварах деревья не только сами по себе, но и несут службу для человека, для чистоты его воздуха, для человеческого отдыха: тут человеку хорошо дышится, хорошо думается. В лесу же человеку приходится не только наслаждаться деревьями, а и учиться, да, человеку у деревьев учиться.

На тяге

Посвистывая очень удачно рябчика в ожидании вальдшнепа, наметил вспомнить всю флору и фауну лесную, как встречалась она мне в лич-

ном моем опыте, выискивая постепенно сюжет, объединяющий всю экологическую многоярусность леса. Чудесно, например, что землеройка, попав в глубокую колею, вынуждена ночью бежать в ней до самой деревни. Она может встретиться и с полевкой, и с лисицей, и сова может броситься, и колесо телеги человеческой может раздавить.

Темный лес

Темный лес хорош в яркий солнечный день, — тут и прохлада, и чудеса световые: райской птицей кажется дрозд или сойка, когда они, пролетая, пересекут солнечный луч; листья простейшей рябины в подлеске вспыхивают зеленым светом, как в сказках Шехерезады.

Чем ниже спускаешься чащей к речке, тем гуще заросли, тем больше прохлада, пока, наконец, в черноте теневой, между завитыми хмелем ольхами, не блеснет вода бочага и не покажется на берегу его влажный песок. Надо тихо идти: можно увидеть, как горлинка тут пьет воду. После на песке можно любоваться отпечатками ее лапок и рядом — всевозможных лесных жителей: вот и лисица прошла...

Оттого лес называется *темным*, что солнце смотрит в него, как в оконце, и не все видит. Так вот нельзя ему увидеть барсучьи норы и возле них хорошо утрамбованную песчаную площадку, где катаются молодые барсуки. Нор тут нарыто множество, и, по-видимому, все из-за лисы, которая поселяется в барсучьих норах и воню своей, неопрятностью выживает барсука. Но место